

Дьердь Шпира ЧЕТЫРЕ СУДЬБЫ

К истории политической деятельности
И.Сечени, Л.Баттяни, Л.Кошута и Ш.Петефи

Перевод с венгерского *О.В.Громова*
Вступит/ статья и редакция д.ист.н. *Т.М.Исламова*
М.: Прогресс. 1986

Вступительная статья
К советскому читателю (от автора)
Трагический путь Иштвана Сеченьи
Лайош Баттяни
Клинок Шандора Петефи
Лайош Кошут и потомки

Веб-публикация: Belle Garde
и редакторы библиотеки Vive Liberta
и Век Просвещения, 2010.
Текст подготовлен в виде скана (pdf), по главам

Тематические ссылки:

Р.Авербух.

Революция и национально-освободительная война
в Венгрии в 1848-49 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82467734.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p94667612.htm>

(ссылки на скачивание текста книги, иллюстрации,
дополнения)

«Весна народов»: европейские революции 1848 года
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

ТРАГИЧЕСКИЙ ПУТЬ ИШТВАНА СЕЧЕНЬИ

Его бранный прах вот уже столетие покоится в склепе Ценкского замка, — прах человека, ставившего своей целью пробуждение целой нации, и вот уже четвертое поколение бесплодно борется с забвением, искажениями и непониманием. Если бы жизнь его и не сделала несомненным его величие, то его "жизнь" после смерти достойным образом может это засвидетельствовать, и если при жизни мы не находили в ней трагичного, то после смерти мы наверняка сможем это обнаружить. Потому что трагедия мертвого Сеченьи начинается там, где роковой pistolетный выстрел подвел черту под жизнью живого: могила точно так же ни на мгновение не дала успокоения отвернувшемуся от жизни Сеченьи, как и молодому юноше — большой мир, жадному до дел и действий зрелому мужчине — его родина и усталому старику — Деблинг.

Дух Сеченьи только тогда обрел бы покой, когда в умах и сердцах сменявших друг друга поколений он нашел бы подобающее ему место. Однако потомки воздвигли ему памятники не в душе и сердце своем, а на площадях своих городов, несут его великое имя не в душе и сердце своем, а лишь на устах. Но ушедший из жизни Сеченьи — точно так же, как и живой, — не блистать желал, а воздействовать, но его мертвого — так же, как и живого, — прохладнее всего принимали именно те, к кому в первую очередь было обращено его слово, а превозносили громче всех те, которые меньше всего готовы были ему следовать.

В качестве закономерного следствия капитуляции при Вилагоше¹, незавершенности освободившей крестьян революции в Венгрии, начиная с 1849 года каждое прогрессивное политическое направление, даже любая группировка, лишь маскировавшаяся под прогрессивную, желая снискать популярность, в поисках своих предшественников обращалась к 1848 году и к имени Кошута. Поэтому совершенно ясно, что противники этих политических направлений тоже искали себе для этой цели — поскольку никоим образом не желали раскрыть антипрогрессивность своих намерений — отнюдь не противников Кошута — Меттерниха², Аппоньи³ или Франца

¹ Капитуляцией при Вилагоше (Ширя. Ныне в СРР) завершилась национально-освободительная борьба Венгрии против Австрии в 1848–1849 годах.

² Меттерних К. (1773 – 1859) — канцлер Австрии; один из организаторов реакционного Священного союза (Австрия, Пруссия и Россия), направленного на подавление революционных и национально-освободительных движений.

³ Аппоньи Д. (1808–1899) — крупный землевладелец, лидер венгерских консерваторов.

Иосифа, — а в качестве предшественника Кошута, но в то же время самого беспощадного его критика — Сеченьи, имя которого они стремились использовать. Я повторяю: имя Сеченьи, так как эти сторонники Сеченьи больше ничего и не знали о нем — только имя. И я повторяю снова: имя Сеченьи, ибо и те из них, кто действительно изучил его жизнь и его взгляды, помимо имени, в лучшем случае имели обыкновение ссылаться на отдельные, произвольно выбранные ими его суждения и поступки; остальное же либо обходили, либо начисто замалчивали, чтобы *однозначно* выдать Сеченьи за противника Кошута.

Так содействовали неусыпному поддержанию трагизма мертвого Сеченьи именно его почитатели: так пытались снова и недвусмысленно столкнуть его с Кошутым, хотя в дебллингском одиночестве Сеченьи сумел примириться с ним; и не только столкнуть, но изобразить его самым заклятым врагом Кошута. Так пытались чествовать в нем (а устами своих противников, разумеется, осудить), в первом великом пионере венгерского либерализма, поборника консерватизма. Так пытались представить наиболее прогрессивное и актуальное в его доктринах, в уроках его жизни — наиболее отсталым, изжившим себя. И это кажущаяся победа его жедрузей. Не только потому, что каждый удар вызывает ответный удар и в соответствии с этим продолжатели коштувской политики, выдвигая односторонне как противовес Кошута — Сеченьи, считали своим долгом защищать память не подлинного Сеченьи, а только лишь память Кошута, но именно и потому (и в этом корень трагизма как мертвого, так и живого Сеченьи), что Сеченьи легко использовать не только против Кошута, но и против него самого. И не только Сеченьи 1841 года, Сеченьи 1830 или сентября 1848 года противопоставить Сеченьи марта 1848 года, но и отдельные черты и устремления Сеченьи того или иного исторического момента противопоставить другим чертам и устремлениям Сеченьи того же самого периода.

Ведь по сравнению с тем Сеченьи, который был первым провозвестником отмены феодальных привилегий и предоставления права владения земельной собственностью недворянам, но который, не отказываясь никогда от этого своего требования, стал главным глашатаем также и распространения системы латифундий (неделимых родовых имений); по сравнению с тем Сеченьи, который пожертвовал годовой доход от своих имений в пользу научного общества, призванного культивировать венгерский язык, хотя в то же время свои дневники писал только на немецком языке; по сравнению с тем Сеченьи, который со свойственным высокопоставленному и высокообразованному магнату чувством през-

рения взирал на малосильных и отсталых мелкопоместных дворян и подъем государства связывал с аристократией, в то же время своих доверенных лиц подбирал, правда тщательно, из среды мелкопоместного дворянства (желая окружить себя наиболее образованными людьми) и не стеснялся открыто признать: "... Основное препятствие на пути прогресса и подъема нашей родины — это мы, крупные помещики"; по сравнению с тем Сеченьи, который собирал в стройную, продуманную систему все свои новаторские предложения и который тем не менее так часто поддавался минутному капризу; по сравнению с тем Сеченьи, который, с одной стороны, считал всю свою жизнь борьбу за спасение души, но даже в бытность свою министром бежал с исповедью к своему духовнику, ища успокоения, а, с другой стороны, начиная с молодого возраста носился с мыслью о самоубийстве, чтобы в конце концов действительно, уверовав в это, взять на себя "смертный грех" и подвести черту своему земному существованию; по сравнению с тем Сеченьи, в котором непрестанно боролись между собой преувеличенная чувственность и романтическое преклонение перед бесплотным женским идеалом, повышенное самолюбие и беспредельное малодушие, холодная замкнутость и жадные поиски товарищей и друзей, — по сравнению с этим Сеченьи действительно трудно представить себе человеческий и политический характер, сотканный из более противоречивых нитей.

Но на самом деле эти глубокие внутренние противоречия Сеченьи со всеми вытекающими из них последствиями не могут затмить прогрессивный в основе своей характер его исторической роли, которую, однако, открыто или молчаливо, подвергали сомнению не только те, кто считал его консервативным, но и те, кто, отдавая должное столь удобно устоявшимся банальностям, считал его политиком реформ. Потому что консерватизм и реформы — это противоречия, не исключющие одно другое, а наоборот — предполагающие существование друг друга: если мы хотим пользоваться терминами в их подлинном смысле, то политикой реформ следует называть лишь такое стремление, которое предполагает заменить другими, более прогрессивными не существенные слагаемые, основы того или иного общественного строя, а лишь отдельные, не затрагивающие сути и основы элементы данного строя, обновив их и улучшив, вольно или невольно, в интересах сохранения и укрепления именно существенных слагаемых и основ строя. Такое стремление лишь до тех пор может играть прогрессивную роль, пока соответствующий общественный строй не утратит права на существование, пока не "созреет" для гибели. А в Венгрии господствовавший феодальный строй в период появления Сеченьи на арене обществен-

ной деятельности уже находился в состоянии упадка, и именно поэтому любое стремление, направленное на его преобразование, иначе говоря, на задержку его гибели, могло лишь тормозить прогресс.

Однако та программа, с которой Сеченьи выступил в 1830 году и верность которой он сохранил до конца, была призвана вовсе не оживить умирающий феодальный строй: эта программа — программа капитализма и явное объявление войны феодализму, феодальному строю. Она прокламировала ликвидацию института фамильной феодальной собственности при одновременном узаконении права землевладения недворян, а это было не что иное, как стремление заменить монопольное феодальное владение господствующего класса помещиков основным средством производства — землю (краеугольный камень всего феодального строя) на его диаметрально противоположность — буржуазную собственность — основу капиталистического строя. И оживить небольшое внутреннее потребление и отсталую кредитно-банковскую жизнь, развить донельзя запущенный транспорт, а в интересах стимулирования всего этого создать всевенгерскую кассу (банк), а это означало не что иное, как дальнейшие мощные шаги по пути замены характерной для феодализма узкой и маломощной системы натурального хозяйства со всеми ее вопиющими противоречиями присущим капитализму крупнотоварным хозяйством. И там, где ранее сеяли только зерновые, впредь следовало выращивать и технические культуры, разводить тутовый шелкопряд; там, где ранее, помимо человеческих рук, в лучшем случае действовали силы ветра и воды, впредь надо было использовать энергию пара. А это не что иное, как замена примитивных производительных сил, характерных для феодализма, более развитыми производительными силами, соответствующими капитализму. Вместо отработавших барщину крепостных крестьян использовать труд наемных рабочих; вместо окостенелых цеховых путей ввести свободу промышленности. А это не что иное, как установление на обломках феодальных производственных отношений со всеми их разительными противоречиями капиталистических производственных отношений. И отменив сословные привилегии, обеспечить для всех граждан страны равенство перед законом; отменив освобождение дворян от налогов и пошлин, сделать равномерным бремя обложений для всех жителей страны. А это не что иное, как замена феодальной системы материальной зависимости ее прямой противоположностью — системой буржуазного равноправия. И из пустоголовых аристократов, никчемных дворянчиков, ограниченных буржуа или равнодушных крестьян "вытесать" образованных мужей, развить родной венгерский язык, презираемый даже у домаш-

него очага, обреченный на прозябание, даже на угасание, и сделать его богатым идиоматическим материалом, содействующим расцвету науки и культуры. Это значило — превратить захудалую родину, дикую цитадель укоренившихся еще в средневековые предрассудков, в ее прямую противоположность — в уютное пристанище просвещенного разума. Таким образом, программа Сеченьи по сути своей не программа реформ, направленных на латание дыр феодального строя, а программа коренных изменений, буржуазных преобразований, поставленных на повестку дня самой историей, — и в этом ее революционное значение.

К этому, однако, надо сразу же добавить, что неверно было бы назвать *политику* Сеченьи, учитывая только ее *прагматические* аспекты, *политикой реформ*. Сеченьи, как известно, свою программу, имевшую революционное значение — проведение в Венгрии буржуазных преобразований, — намеревался осуществить не революционными методами, не путем революционной смены существовавшей власти, а, наоборот, не нанося ущерба единству империи и абсолютной власти Габсбургов, сохраняя руководящую роль дворянства (в том числе и аристократии), и, что особенно важно, не с помощью широкого и радикального народного движения, а путем законодательных распоряжений, которые должны быть приняты сверху, по доброй воле власть имущих. Иначе говоря, в его политике с *целустановками*, направленными на революционное преобразование общества, применялись такие *методы*, которые могли быть пригодны лишь для преобразования общества путем реформ. И в подобном противоречии масштабных целей и не соответствующих им средств и кроется трагизм судьбы Сеченьи.

Так как поставленные Сеченьи революционные по своему характеру цели можно было достичь лишь революционным путем, которым он пренебрегал, более того, сознательно считал необходимым обойти, они были недосягаемы тем путем, который он избрал. И если в начале деятельности Сеченьи это еще не было очевидным и в силу отсутствия революционной ситуации не казалось непосредственной проблемой дня, то в 1848 году это стало совершенно явным, когда вопрос о буржуазных преобразованиях в Венгрии — тогда уже назревший — стали решать дворянство и *народные массы* и, поднявшись вместе на революцию против абсолютизма Габсбургов и аристократии, довели дело до победы. Убедительную силу этого поворота не умаляет и то, что 1848 году предшествовала на протяжении двух десятилетий борьба представителей дворянских кругов, шедших по стопам Сеченьи и стремившихся осуществить буржуазные преобразования путем реформ, исключительно законными средствами, и это обеспечило невидан-

ный расцвет разума и гуманизма на венгерской земле, о котором с признанием отзывались лучшие умы тогдашней Европы и перед которым по достоинству склоняет голову и сегодняшнее поколение. Ведь в эти два десятилетия либерального дворянского движения Сеченьи сумел осуществить лишь отдельные пункты своей программы, а решающий поворот от феодализма к капитализму он был не в силах осуществить (даже в сложившейся наконец в 1846 году революционной ситуации), и по-настоящему историческое значение приобретает как раз его попытка преодолеть самого себя в период подготовки к 1848 году; причина же непосредственной неудачи этого опять-таки кроется в противоречивости поставленных целей и избранных для их осуществления средств, что характеризует — пусть даже не в такой степени, как самого Сеченьи, — все либеральное дворянское движение.

И правда: история знает примеры осуществления буржуазных преобразований даже сверху, феодальным абсолютизмом, посредством проведения реформ. Так произошло позднее в России, где сам царизм освободил крепостных крестьян, однако эта акция, именно потому, что она была осуществлена без участия народных масс, естественно, привела лишь к уродливым результатам. Положение же Венгрии с ее почти колониальной судьбой не может быть сравнимо с положением России. Сеченьи не без оснований с надеждой обращал свои взоры к дворянству: венгерское среднепоместное дворянство (рассматриваемое в весьма общем плане) было заинтересовано в буржуазных преобразованиях в той же степени, что и в сохранении феодальных отношений, и эта двойственность его интересов, хотя и порожила его колебания всегда удерживала от решительных шагов вплоть до того момента, когда уже не оставалось иного выбора; это в свою очередь сделало для него возможным то, что в 1848 году оно получило поддержку народа и сохранило за собой руководящую роль. Что же касается самого высшего слоя привилегированного класса — магнатов, то он не оправдал и не мог оправдать ожидания Сеченьи: венгерская аристократия (за исключением нескольких особо одаренных, находившихся в исключительном положении магнатов) пользовалась столькими преимуществами при господствовавшем режиме и настолько была лишена широкого кругозора, что без колебаний заняла позицию упрямого отрицания даже самых умеренных нововведений. Еще меньше жизнь подтвердила точку зрения Сеченьи, будто буржуазные преобразования в Венгрии можно осуществить без столкновения с габсбургским абсолютизмом, ибо историческая роль абсолютистского государства в высшей степени противоречива: с одной стороны, оно всеми силами защищает переживший феодальный строй, а с друго-

стороны, волей-неволей содействует развитию подрывающих этот строй — а значит, и существование феодальной собственности — капиталистических тенденций. Это характерно, хотя и в несколько ограниченной степени, и для абсолютизма Габсбургов. И в минимальной степени — для Венгрии: ведь габсбургский абсолютизм тоже в известной мере способствовал появлению зачатков капиталистических отношений, но почти исключительно на наследственных австрийских землях, служивших основными опорами империи; что же касается Венгрии, то интересы ее развития он до самого своего конца последовательно подчинял интересам развития — во многом крайне противоречивым — этих провинций.

Каковы же причины внутренней противоречивости политики Сеченьи? Почему он, страшившийся любых революционных средств, ставил перед собой такие цели, которые можно было достичь только с помощью этих средств? И наоборот: почему он, ставивший перед собой и перед своей нацией революционные цели, последовательно отклонял любое средство, которое в действительности соответствовало бы его целям? Может быть, все это являлось само собою разумеющимся, закономерным следствием его положения — представителя высшего дворянства, крупного помещика? Было бы бессмысленной, свидетельствующей о духовной лености попыткой объяснить положение только этими обстоятельствами. Потому что, если деятельность Сеченьи отражала бы просто его принадлежность к высшей — и не стоит забывать, отмирающей, как с точки зрения ее реального положения, так и с точки зрения ее сознания, — прослойке венгерских магнатов, то этой деятельности должно было бы недоставать тех, несомненно, прогрессивных черт, которые как раз и характеризуют ее в первую очередь. Но и не в меньшей степени бессмысленной попыткой было бы искать у Сеченьи какой-то отрыв от аристократии! Потому что в нем, и в этом нет никакого сомнения, говорил и глубоко заложенный классовый инстинкт эксплуатировавшего крепостных крестьян крупного помещика, когда он предостерегал от того, чтобы дать в руки крестьянам выпрямленные, как пики, косы. Ему была присуща и классовая предвзятость бесконечно гордых своей родословной магнатов, когда он по-прежнему на той же "полке" желал бы видеть аристократию. В нем "говорила" и династическая верность магнатов, обязанных своей властью, своим блеском (и не в последнюю очередь своей безопасностью) Габсбургам, когда он намеревался направить преобразования не против императорской фамилии, а поставить их в зависимость как раз от воли императора.

Величие и заблуждения Сеченьи имеют в высшей степени своеобразные и — в не меньшей степени — весьма общие кор-

ни. Другие выдающиеся личности в истории потому могли способствовать прогрессу, что являлись сынами какого-либо вырвавшегося вперед, прогрессивного класса, а также потому, что могли быть последовательными защитниками своего класса. И другие выходцы из умиравших, реакционных классов получали историческую известность потому, что последовательно поворачивали против своего обреченного на гибель класса и становились на позицию прогрессивного класса. Сеченьи, разумеется, не относился к первым, но, как мы видели, не мог быть отнесен и ко вторым. Он высоко поднялся над аристократией, из которой вышел, но никогда и не отрывался от нее. Его величие не в том, что он в силу тех или иных убеждений занял новую, сформулированную им классовую позицию, а в том, что сумел подавить в себе, оттеснить на задний план те убеждения, которые определялись его классовым происхождением. Иначе говоря, Сеченьи подняли над его собратьями-магнатами, с одной стороны, его исключительно широкий исторический и международный кругозор и, с другой стороны, редчайшее чувство ответственности перед венгерской нацией. Первое делало его способным, несмотря на принадлежность к магнатам, понять, что буржуазные преобразования неизбежны уже и в Венгрии и аристократия только осталась бы ни с чем, если попыталась бы затормозить этот процесс. Второе же делало его способным не только осознать необходимость буржуазных преобразований, но и — первым в Венгрии XIX века — провозгласить программу этих преобразований, в частности такие программные тезисы, осуществление которых противоречило бы непосредственным интересам аристократии.

Но поскольку оттеснение на задний план классовых интересов, обусловленных его происхождением, позволило Сеченьи сформулировать и провозгласить свою антифеодальную программу, именно поэтому эта классовая позиция также не могла сама по себе стать единственной причиной того, что ему не удалось найти подходящий путь для претворения в жизнь своей программы. В том, что он стремился к преобразованиям при минимальном ущемлении прав аристократии, более того, при сохранении ведущей роли аристократии, разумеется, большую роль сыграла его верность аристократии; в том же, однако, — и это главное! — что он вообще хотел избежать любого потрясения, и особенно конфликта с Габсбургами, еще большую роль сыграло то же самое повышенное чувство ответственности перед всей венгерской нацией, явившееся важнейшим фактором и в провозглашенной им новаторской программе.

Ведь Сеченьи исходил из того, что венгерскому народу потому выпало на долю в прошлом так много страданий

и бедствий, потому приходилось так часто останавливаться в своем продвижении вперед, что он не раз вступал в столкновение с интересами великих держав, которые подминали его под себя. И Сеченьи видел, что в будущем ему (народу) не будет грозить такая судьба лишь тогда, когда венгры извлекут уроки из трагических неудач своих предков, если будут отстаивать свои интересы, максимально согласовывая их с интересами связанных с ними великих держав, уважая их. Особенно же следовало щадить интересы Австрии, "состоявшей в браке" с Венгрией, причем не только потому, что последняя недостаточно сильна, чтобы постоять за себя против Австрии, но и потому, что в существовании и укреплении империи была насущно заинтересована Европа, и, следовательно, на страже ее целостности и спокойствия бдительно стояли и другие европейские державы.

Таким образом, то, что Сеченьи наперекор всему старался осуществить преобразования наиболее безобидными средствами, может быть объяснено не просто и не в первую очередь аристократической ограниченностью, а прежде всего подобными рассуждениями и нашедшим в них свое выражение искренним, хотя и преувеличенным опасением за нацию (коренящимся в переоценке стабильности соотношения сил на международной арене). Но не опасался ли он того, что стремление бесконечно щадить интересы Австрии, а соответственно и венгерской демократии в конце концов потребует принести в жертву основные интересы родины и сделает невозможным достижение именно главной цели — осуществление буржуазных преобразований? Нет, даже в самой малой степени — нет! Потому что в своем родном доме, в доме Ференца Сеченьи и просвещенного Йозефа Хайноци¹, он унаследовал веру не только в провидение, но и во всемогущего разума. И потому он свято верил, что в то время, как англичан к "разделу пастбищ, отмене ограничений, цехов, оброков, барщины и некоторым другим уступкам побудили не столько воля и разум, сколько принуждение — в результате чего остров Альбиона стал своего рода центром нашего мира, — нам нет нужды пройти через эти дрязги и склоки, чреватые взаимным непониманием, действительно смешные, вызывающие крайнее сожаление и рождающие величайшие беды, которые в течение многих лет столь неприглядно характеризовали английскую историю". Ведь "до англичан не было примера тому, чтобы конституционное право в равной мере распространялось на всех жителей страны; и поэтому, если там в былые

¹ Хайноци Й. (1750—1795) — один из руководителей венгерских якобинцев; занимал должность секретаря при Ференце Сеченьи, отце Иштвана Сеченьи.

времена отягощенный предрассудками помещик-феодал не желал по собственной воле делать своим крепостным те или иные уступки и его к этому в конце концов вынуждала боязнь за свое существование, — что может быть более естественным?» Перед нами уже английский (да и французский) пример, и, таким образом, нет ничего более естественного, что венгерских помещиков-феодалов уже не только принуждение, но и трезвый учет собственных интересов мог побудить к принятию программы буржуазного переустройства и — аналогичным образом — заставить и царствующую династию прийти к трезвому выводу, что подъем Венгрии выгоден и для всей империи, причем не в последнюю очередь и потому что, если нация почувствует заботу королевского трона, это неизменно укрепит в Венгрии приверженность к габсбургской династии.

Так характерными для политической и публицистической деятельности Сечени становятся две органически связанные друг с другом черты: с одной стороны, беспощадное непрестанное бичевание всех тех шагов, которые, по его мнению могли привести к отходу назад, и, с другой стороны, неустанное перечисление множества действительно мнимых материальных и политических преимуществ, которые сулили бы буржуазные преобразования его собратьям по классу и Габсбургам, то есть тем, которые, по его убеждению, рано или поздно должны были прийти к мысли о необходимости таких преобразований.

Однако путь Сечени отмечен в обоих направлениях все большим разочарованием. При дворе с самого начала и до самого конца его агитация неизменно встречалась с недоверием и отвергалась; придворные круги не способны были освободиться от того обоснованного подозрения, что внутреннее переустройство Венгрии — даже если бы оно и было осуществлено предложенным Сечени щадящим образом — поставило бы под угрозу, с одной стороны, экономические интересы главной опоры царствующей династии — австрийских правящих классов, а с другой стороны, само существование империи, поскольку Венгрия можно было лишь до тех пор держать в узде, пока она слаба. А те, на кого с наибольшим ожиданиями обращал свой взор Сечени, — крупные венгерские феодалы (за небольшим исключением) — относились к его ожиданиям с еще большим недоверием и отрицанием, потому что, хотя для них предложенный Сечени порядок буржуазной перестройки был бы наиболее безболезненным, они — как это всегда бывает обычно с сынами переживших свое время социальных слоев — только тогда могли прийти к мысли о неизбежности буржуазных преобразований в Венгрии, когда последние стали бы уже свершившимся фактом.

Что же касается все более растущей прогрессивной группы дворянства, которая становилась сторонницей буржуазных преобразований в значительной степени благодаря удовлетворению Сечени, то она с годами все меньше выражала удовлетворение намеченным им путем и темпами развития. Это прогрессивное дворянство (сделав из прошлого выводы, существенным образом отличавшиеся от его выводов), с одной стороны, не хотело верить в возможность склонить двор и аристократию к реформам, более того, оно ясно представляло себе, что перестройку можно осуществить только в борьбе с двором и аристократией, равно как и то, что дело перестройки оно могло бы по-настоящему поставить под угрозу не посредством возможных столкновений с врагами преобразований, а как раз испугавшись риска этих столкновений (поскольку уже этим оно априори отказалось бы от борьбы). С другой стороны, оно не считало великодержавную позицию Габсбургов и поддерживавшую их реакционную систему европейских держав прочными, какими они казались Сечени, и, главное, оно все более приходило к той мысли, роковым образом превосходящей представления Сечени, что оно сможет даже умножить свои силы, если ценой определенных уступок привлечет на свою сторону крестьянство, в массе своей роялистски настроенное со времени издания закона о регулировании барщины¹. Словом, и риск оно считало минимальным. Эта прогрессивная группа дворянства дополняла основные требования, взятые из программы Сечени, все новыми и более смелыми требованиями; так, например, она уже не довольствовалась прокламированием лозунга свободы промышленности, а настаивала на отмене протекционизма австрийской промышленности и защите венгерской государственной промышленности; не довольствовалась больше узаконением добровольного выкупа, (что давало бы возможность отдельным крепостным — при согласии их помещиков — откупаться за деньги от крепостных повинностей), а ломала копыя в пользу обязательного для помещиков-феодалов выкупа и в конце концов уже пришла к провозглашению необходимости парламентарного правления и даже создала свою партию, от имени которой открыто объявила себя оппозицией. Иначе говоря, эта группа, хотя ее цели не выходили за рамки представленной Сечени программы прусского пути капиталистического развития и хотя она сама не прибегала к таким средствам, которые можно было бы с определенным основанием назвать революционными, все же —

¹ Имеется в виду крестьянская реформа Марии Терезии 1767 года, которая определила размеры повинностей крепостных в пользу помещиков.

отдаваясь от Сеченьи — все больше и больше выходила на такой путь, который со временем без особых осложнений привел к революции и позволил действительно добиться буржуазных преобразований в борьбе против Габсбургов и венгерской аристократии. Таким образом, Сеченьи, программу которого в Вене и в кругах аристократии, несмотря на всю ее умеренность, считали чересчур далеко идущей, а в лагере либерального дворянства, хотя и признавали ее новаторское значение, считали слишком умеренной, постепенно оказался в одиночестве.

Однако, как бы ни огорчали его эти разочарования, недоверие двора и высшего дворянства и как бы ни было больно для него ошутимое падение его былой популярности, это не могло заставить его отказаться от избранного пути. Поскольку его суждения о слабости венгерской нации и о могуществе Габсбургов не изменились, он продолжал считать, что с точки зрения его нации разрыв с Габсбургами был бы роковой ошибкой, и поэтому и дальше с еще большей страстью нападал на дворянскую оппозицию, и в первую очередь на ее наиболее влиятельного и наиболее смелого руководителя — Кошута — за преждевременный, по его, Сеченьи, мнению, выстрел из пистолета. Он резко осуждал национальную политику оппозиции, которая своими крайностями сама пробуждала антивенгерский национализм среди невенгерских народов (хотя это — пусть даже отдельные перегибы оппозиции сыграли немалую роль в ухудшении положения — в действительности было таким же закономерно сопутствующим фактором процесса обуржуазивания, каким, скажем, был и венгерский национализм). Сеченьи называл призывом к крестьянскому мятежу предложение Кошута о том, чтобы введение всеобщего налогообложения использовать для облегчения проведения в жизнь выкупа крепостных повинностей, ибо это, по его мнению, только усилит ненависть между помещиками и крепостными (хотя на самом деле ее усиливало именно затягивание проведения выкупа). И наконец, он обвинил Кошута в разжигании народной революции, угрожавшей стране гибелью (политика же Кошута действительно тем и отличалась коренным образом от политики Сеченьи, что она открыто была направлена на ликвидацию подчиненного положения Венгрии; однако и Кошут был, так же как и Сеченьи, далек от идеи народного восстания, поскольку считал необходимым обеспечить народным массам лишь роль пассивного сочувствия дворянской оппозиции и свои цели также стремился осуществить исключительно законодательным путем).

В течение всего этого времени Сеченьи, по существу, оставался на своей исходной платформе, придерживаясь всех ре-

волюционных по значению принципов этой программы. Но логика борьбы была такова, что если он в каких-то аспектах все же корректировал свою программу, то эти изменения сопровождались бы дальнейшим смягчением его требований. Когда, например, оппозиция начала форсировать безотлагательное введение всеобщего налогообложения, Сеченьи стал ратовать за постепенность его осуществления, предлагая, чтобы принцип всеобщего налогообложения вводился в жизнь в различных сроки для различных видов налогов. Или когда оппозиция поставила своей целью полную отмену феодального права неделимости латифундий, Сеченьи выступил за одновременное расширение системы латифундий. И в конечном итоге все это он делал для того, чтобы, с одной стороны, и в повседневной борьбе действовать на оппозицию в умеренном направлении; а с другой — чтобы таким путем, путем не затрагивающих существа дела уступок, сделать наконец приемлемой его программу для тех, кто чуждался каких-либо нововведений.

Потому что Сеченьи, несмотря на ряд своих неудач, считывал на доброжелательность двора и аристократии (ведь если бы он на это не рассчитывал — в соответствии с его преувеличенным представлением о прочности габсбургской власти, — то он не мог бы более рассчитывать и на осуществление своих целей, дела всей своей жизни). И поэтому, когда в середине 40-х годов группа молодых венгерских аристократов, вняв предупреждению Меттерниха и видя, как завоевывают позиции либеральные идеи, и сама признала необходимость каких-то изменений — ведь в высшей степени худосочные реформы, осуществлявшиеся под руководством двора, все же в конце концов реформы (поскольку иначе, продолжая и дальше жестко придерживаться позиции отрицания, эти аристократы никак не могли бы надеяться на успешную борьбу с оппозицией). Король же назначил главу этой группы, графа Дьердя Аппоньи, канцлером и тем самым откровенно благословил деятельность неоконсерваторов, Сеченьи уверял самого себя в том, что двор наконец-то искренне вступил на путь, ведущий к буржуазным преобразованиям (хотя предложенные неоконсерваторами реформы в действительности ставили своей целью лишь расколоть лагерь подлинных сторонников буржуазных преобразований, то есть предназначались как раз для торможения буржуазных преобразований). И когда затем Аппоньи, желая использовать чистое имя Сеченьи для осуществления своих коварных целей, предложил ему пост председателя вновь создаваемого комитета по делам транспорта наместнического совета¹,

¹ Наместнический совет — высший исполнительный орган, возглавлявшийся наместником (палатином), который назначался королем из числа членов королевской семьи.

Сеченьи, оказавшись рабом своих иллюзий, а также желая осуществить свой давний заветный план регулирования рула Тисы, рискуя полностью пожертвовать своей и так уже весьма пошатнувшейся популярностью и принимая это предложение, тем самым увенчав, по-видимому, трагизм своего жизненного пути до 1848 года и окончательно противопоставляя себя тем, кто, несмотря на все противоречия, были самыми верными — поскольку были самыми последовательными — сторонниками и продолжателями его начинаний, оказывается в одном лагере с теми, кто был в действительности самым главным их противником.

И в самом деле, даже собственный опыт не раскрыл ему глаза на то, что его новоиспеченные покровители поручали одному из членов наместнического совета — явно как знак недоверия к Сеченьи — постоянно следить за его служебной деятельностью. А в Вене после унижительного обивания покровов множества учреждений он так и не получил ни одного из просимых им и обещанных ему ранее миллионов форинтов на регулирование бассейна Тисы; так что ирригационные работы, несмотря на многолетние усилия, по существу, не сдвинулись с места. На последнем сословном государственном собрании, заседавшем в ноябре 1847 года, он в борьбе против оппозиции превзошел консервативных депутатов и не прекратил сопротивления даже тогда, когда представители сословий, видя захлестывавшую Европу революционную волну, 3 марта 1848 года единогласно (не исключая и консервативных депутатов) приняли знаменитый кошутковский проект обращения [к королю]: накануне венской революции 13 марта он, пригласив к себе депутатов и представителей высшего дворянства, призывал их в эти критические минуты отказаться от выдвижения требований к короне и, как сделали их предшественники в эпоху Марии Терезии и императора Франца, предложить свои верноподданнические услуги сотрясаемому со всех сторон революционными движениями трону, поскольку в этом случае можно было рассчитывать на то, что двор в благодарности за верность венгерской нации — единственной опоры своей власти — добровольно и с готовностью исполнит их пожелания, более того, и впредь будет считать Венгрию самой прочной опорой империи, подлинным ее центром.

Однако предложение Сеченьи было сделано; сословия, помня о хорошем уроке, полученном их предками при Марии Терезии и императоре Франце, никак не могли разделить надежды Сеченьи, связанные с ожидавшейся им благодарностью Габсбургов, а потому и не могли отказаться от своих требований; напротив, когда 14 марта до них дошла весть о венской революции, они уже на следующий день решили предъявить эти требования королевскому трону.

И об этом моменте в огромной литературе, написанной о Сеченьи, частично умалчивается, а частично используются приемы, которые ни в коем случае не могут быть названы научными, — лишь бы отвлечь внимание от открывшейся под его ногами бездонной пропасти. Потому что 15 марта, в этот знаменательный день в новой истории Венгрии, и Сеченьи поднялся на высочайшую вершину своего пути: он, бывший до того времени самым яростным противником политики Кошута, теперь открыто признал, что эта политика оказалась более целенаправленной, чем его, и решительно, с воодушевлением присоединился к развертывавшемуся революционному движению. И эта радикальная смена направления, хотя произошла она внезапно, была совершенно искренней: Сеченьи вообще не была чужда театральности, но абсолютно чуждо было лицемерие. И поскольку в его поведении произошел небывалый поворот, он явился следствием поворота, происшедшего в его убеждениях; об этом свидетельствует не только несомненная прямота его характера, это же неопровержимо доказывают и его переписка с очень близкими ему лицами, и его единственный настоящий друг, единственный поверенный всех его тайн — его дневник; наконец, это же неоспоримо доказывает и та лихорадочная деятельность, к которой он приступил сразу же во имя успеха революции. Ибо, плывя вместе с венгерскими аргонавтами на палубе корабля, направляющегося в Вену, Сеченьи, являвшийся до самой своей смерти сторонником Прагматической санкции¹, первым предложил, чтобы для обеспечения подлинной самостоятельности создаваемого независимого венгерского правительства наместник был облечен такой полнотой власти, которая практически означала бы уже разрыв с зафиксированным в Прагматической санкции принципом единства власти и управления общей империей. Ибо, когда в конце марта камарилья попыталась полностью свести на нет компетенцию военного министерства и министерства финансов Венгрии, создаваемых в нарушение принципа единства управления, Сеченьи снова борется на передней линии за то, чтобы сорвать эту попытку. Ибо в начале апреля опять-таки только Сеченьи, всегдашний глашатай мирных путей и средств, делает первый шаг в интересах скорейшей реорганизации пештского машиностроительного завода и превращения его в оружейный завод. Это перечисление можно было бы продолжать бесконечно.

Но чем объяснить этот поворот? Какова та новая оценка положения, которая толкнула Сеченьи, ранее стойкого

¹ Прагматическая санкция — принятый в 1723 году закон о престолонаследии в австрийской империи Габсбургов и устанавливавший нераздельность габсбургских владений.

сторонника самых мирных, щадящих средств, на путь революционной политики? В конечном итоге именно то, что цели, которые он преследовал с начала своей деятельности — если не по своим масштабам, то по своей сути, — были аналогичны целям революции; только путь, по которому он намеревался идти, не был до того времени революционным, и эта двойственность, которая еще до 1848 года зажала его в клещи трагических противоречий, в 1848 году уже не могла больше продолжаться. Сеченьи, столь часто и всегда безуспешно пытавшийся посредничать между прогрессистами и консерваторами, называвшими себя сторонниками обдуманного прогресса, именно в момент крайне напряженной ситуации (о которой он в отличие от многих современников, занимавшихся самоубаюкиванием, имел ясное представление как о "революционном положении") должен был видеть, что если он не хочет снять руку с пульса венгерской нации, если не хочет удалиться от общественной жизни, то он становится перед выбором: либо он изберет сопряженный с невиданными опасностями, но представляющий невиданные возможности революционный путь в качестве пути для осуществления главной своей цели — буржуазных преобразований; либо же ради того, чтобы избежать опасностей, во зникающих на революционном пути, раз и навсегда откажется и от шансов на буржуазные преобразования. Таким образом, он, не помышлявший об отступлении, поскольку никогда не рассматривал судьбу своей нации с позиции стороннего наблюдателя, решается на выбор, и, поскольку от целей буржуазных преобразований, в правильности которых он был глубоко убежден, его не могли отвлечь никакие опасности, он в явном противоречии со знатыми господами из консерваторов, которым были ни к чему буржуазные преобразования и которые поэтому без колебаний становились под знамена контрреволюции, вступает на путь революции. И этот выбор ему облегчает то вполне обоснованное обстоятельство, точнее, расчет, что теперь именно понимание революционного риска может устранить опасность еще большего риска, а именно угрозу того, что обещающая пока обойтись без кровопролития (как раз в опровержение его былых опасений) и осуществляющаяся под эгидой дворянства революция перерастет во всеокрушающую народную революцию, что приведет к окончательному расколу и противостоянию дворянства и народных масс и тем самым — к непоправимому фиаско дела буржуазной перестройки, даже к полной гибели страны.

Такие рассуждения объясняют, почему Сеченьи весной 1848 года, по-видимому, удалось вырваться из трагических клещей своего пути. Однако этот успех только кажущийся, точнее, только временный. Сеченьи был не в состоянии по-

следовательно идти по избранному им новому, революционному пути; трагические противоречия, пленником которых он был, вскоре вновь и с еще большей силой одержали над ним верх.

Правда, начальные события революции в значительной мере подтверждают ожидания Сеченьи: никто не оспаривает руководящей роли дворянства в революции; крестьянство не то что не бунтует против своих помещиков, а, наоборот, в первые недели с воодушевлением принимает участие о весьма поспешно принятом государственным собранием законе об освобождении от крепостной зависимости; и среди представителей других национальностей, воодушевленных революцией, не вспыхивает никакого антивенгерского восстания; двор же, не без некоторого сопротивления, в конце концов сам благословляет завоевания революции. Такое обнадеживающее развитие ситуации в глазах Сеченьи только усугублялось мелькнувшей перед ним надеждой, что проведение в жизнь его проекта широкого развития общественного транспорта, над которым он работал несколько месяцев, уже не должно после всего этого зависеть от прихоти австрийских чиновников венских канцелярий, а прямо и беспрепятственно будет осуществлено по воле нации. Но если все это и благотворно воздействовало на него в эти недели, то теперь его добрые надежды и ожидания уже в самом начале не были беспредельны: когда он говорил, что "закусивших удила лошадей не повернешь и умелому кучеру надлежит использовать кнут... нужно разика два как следует стегнуть их, особенно задних, ибо иначе они упадут... пусть бегут себе, лишь бы не перевернулась коляска... а потом на равнине (на поле конституционной свободы) мы, пожалуй, все же сможем их придержать"; в его словах заключена решимость связать свою судьбу с мчащейся коляской, более того, готовность даже ускорить бег лошадей, если это необходимо, но в то же время заключен и невысказанный страх, что, пожалуй, и потом не удастся остановить лошадей, что, пожалуй, они и так рано или поздно перевернут коляску. А когда события накладываются на события, в душе Сеченьи опасения накладываются на опасения, пока, наконец, отчаяние вновь и уже полностью не уничтожит его начальные надежды.

Разумеется, государственное собрание проголосовало за ассигнования не одного, а десяти миллионов на развитие транспорта, и он, как вновь испеченный министр путей сообщения, снова остался со своими проектами, поскольку в действительности в стране не было денег; это лишь огорчило его, но не привело в отчаяние: ведь, несмотря на былые надежды, сие не явилось для него полной неожиданностью. Но то, что

в скором времени первое воодушевление народных масс стало уступать место рабочим и крестьянским требованиям, уже беспокоило его, хотя пока его волнения и не были особенно велики (поскольку он верил в то, что правительство, создавая новые возможности для использования рабочей силы и приняв новый законопроект, представленный на рассмотрение состоявшего из народных представителей государственного собрания и направленный на устранение изъянов и недочетов освобождения крепостных, сумеет преодолеть трудности). Но вскоре разvernувшиеся национальные движения стали его уже всерьез занимать, хотя он и не считал их чересчур опасными. Однако когда Сеченьи убедился, что двор по отношению к именно этим национальным движениям, мягко говоря, занимает двойственную позицию, бывшие опасения сразу полностью охватили его. И он не мог разделить мнение Кошута о том, что нация должна показать свою силу, ибо только этим она может испугать организующуюся контрреволюцию: напротив, навязчивой идеей Сеченьи становится мысль о том, что именно поведение Кошута может навлечь беду, поскольку только оно, и именно оно, вызывало агрессивность контрреволюции, которая в действительности могла опереться на значительно более мощные силы, чем мы, и следовательно, в случае ее возможного нападения мы не будем в состоянии защитить от нее даже мартовские завоевания, хотя двор искренне принял их и даже король освятил их, зафиксировал законодательно; поэтому возможное нападение контрреволюции могло повлечь за собою наш полный крах.

И теперь его уже не долго мог поддерживать и последний луч надежды — его непоколебимая до того времени вера в святость королевского слова. 30 августа и он мог прочесть пресловутый меморандум венского правительства, который порицал государя за освящение мартовских законов, а Венгрию обвинял в нарушении Прагматической санкции, в первую очередь за такие шаги (обложение наместника королевской властью, а также создание самостоятельных военных министерства и министерства финансов), в осуществлении которых решающую роль сыграл лично он, Сеченьи. А в тревожную ночь с 3 на 4 сентября он мог ознакомиться с беспристрастным посланием короля, содержащим его согласие со всем этим. Иначе говоря, теперь он уже был поражен не только тем, что возникла непосредственная угроза нападения контрреволюции, но и тем, что контрреволюцию разжигает сама габсбургская династия и что контрреволюция в действительности покушается только на действия Кошута — на подписанные им документы она не очень-то ссылалась, — а стремится к ликвидации национальных, мартовских завоеваний революции. Таким образом венгерская нация — так чувствовал Сеченьи — снова находит

ся на перепутье, но теперь она стоит перед выбором, уже не поддающимся здравому осмыслению: либо склонить колени перед контрреволюцией и добровольно отказаться от всего, достигнутого в марте; либо же защищаться и бороться, пока не исчезнет с лица земли, поскольку на победу нет никакой надежды... Рабство и смерть нации — эти два одинаково страшных видения преследовали Сеченьи; не необходимость выбора между контрреволюцией и революцией, а необходимость выбора между терзавшими его воспаленный мозг двумя чудовищами обусловила его бессилие сделать выбор, и он с вконец расстроенными нервами бежал от самого себя, виновного, по его мнению, в том, что вызвал к жизни эти чудовища, сначала пытаясь кончить жизнь самоубийством, а потом, укрывшись в психиатрической больнице, в Деблинге.

Но разбедаящие его фурии самобичевания не оставили его и в Деблинге; ему повсюду виделась гибель, а виновника этой гибели — в отличие от своих псевдопоследователей — он видел не в Кошуте, а в самом себе, как человеке, который первым пробудил свою спавшую нацию и первым вывел ее на тот путь, который привел к революции. Однако он ни тогда, ни позже не отказывался — опять-таки в отличие от своих псевдопоследователей — от целей революции; а если говорить об отдельных периодах и эпизодах революции, то впоследствии он был не согласен лишь с одним: с дебреценским актом (апрель 1849 года) лишения Габсбургов венгерского престола.

Его мятущаяся душа постепенно все же успокаивалась. И он снова трезво оценил положение и пришел к выводу, что жизнь не подтвердила его кошмарные видения, что, хотя революция после года отчаянного сопротивления действительно потерпела поражение, а на страну временно пала тень неограниченного произвола, нация под тяжестью поражения не развалилась, не перестала существовать; основные завоевания потерпевшей поражения революции оказались сильнее победителей, и абсолютистский режим — напрасно его восстанавливали огнем и мечом — оказался не в состоянии оправиться от удара, который нанесла ему именно революция в 1848 году. Но Сеченьи пришлось прийти к выводу, что пока еще контрреволюция беспрепятственно свирепствует, умножая страдания поверженных; что страну пока еще лишили и тех прав, которые она имела до 1848 года; что армия сыщиков и доносчиков ловит не только каждые стенания и вздохи, но и следит даже за невысказанными мыслями; что абсолютистский режим, издеваясь над здравым смыслом и попирая элементарную порядочность, все же пытается изобразить себя прогрессивным, заботящимся о благе страны, используя для этого наемных писак.

И тогда Сеченьи, не считая больше положение безнадежным, но и не воспринимая его пока как приемлемое, снова взялся за перо, чтобы, увенчав дело всей своей жизни, открыто выступить против абсолютизма Габсбургов, с которым он столь долго избегал раздора и — какую бы ему ни пришлось затем заплатить цену за это — сам нанес ему последний смертельный удар. И его "Взгляд" действительно сыграл существенную роль в низвержении абсолютизма. Однако, даже переживая смертельную агонию, абсолютистский режим оказался еще достаточно сильным, чтобы увлечь с собою и автора "Взгляда".

Так Сеченьи стал последним, добровольно бросившим на карту свою жизнь мучеником той освободительной борьбы, которую всего десятилетие назад он считал сопряженной лишь с напрасными жертвами. И своим уходом из жизни он провозгласил то, что при жизни сам пытался упрямо отрицать: что великие цели не всегда могут быть достигнуты без больших жертв, но великие жертвы всегда приносят свои плоды.